

Михаил Кольцов
СЕМЬ ДНЕЙ В КЛАССЕ

Стук двери слился с грохотом встающих. Директорша подняла палец, требуя тишины.

— Ребята, вот Михаил Ефимович, ваш новый классный воспитатель. Надеюсь, вы будете жить в мире и согласии.

Тридцать шесть пар глаз, голубых, серых, золотистых, в упор, без стеснения изучают меня с ног до головы. Глаза любопытны, заинтригованы, спокойны.

— Нет ли вопросов?

Молчание. Стриженная девочка встает с решительным видом.

— Если можно, у меня два вопроса. Во-первых, как ваша фамилия?

Улыбки. Интерес.

— Фамилия моя... ммм... Михайлов.

— Во-вторых, если можно знать, почему нам дают нового классного руководителя? Разве Дмитрий Иванович был плох?

Взрыв смеха. Сенсационное ожидание. Директорша хочет дать объяснения. Спешу ее опередить.

— То, что я слышал о товарище Белякове, говорит о нем, как об очень хорошем воспитателе и педагоге. Знаю, что он пользовался у вас авторитетом и любовью. Но сейчас в ряд школ назначены освобожденные классные воспитатели. Я — один из них. Не надеюсь превзойти Дмитрия Ивановича, но если вы все поможете, постараюсь заменить вам его.

В разных местах класса дружелюбно кивают головами. Мирные отношения как будто установлены. Директор уходит. Урок продолжается.

Это — урок немецкого языка. Учительница читает параграф из хрестоматии, объясняет новые слова, пишет их на доске. Затем ученики сами и с помощью словаря делают в тетрадях перевод.

Формально все так, но запаса слов ученики почти никакого не имеют. Переводить не привыкли. Учительница не помогает. Кусок из хрестоматии тоже тяжелый и скучный — почему-то из теории Дарвина о происхождении видов. В общем, происходит что-то не то.

Когда учительница предлагает читать вслух, у ребят вид рыб, вытасненных на песок. Ученики нехотя поднимаются и, тяжело шевеля языком, медленно вываливают отдельные слова-уроды, Даже отдаленно непохожие на немецкую речь.

А ведь это девятый класс. Пятый год обучения немецкому!..

Чем так, по обязанности, мытарить ребят, не проще ли совсем отказаться от этой затеи? Нам нужно знание молодежью иностранных языков, а не унылая пародия на их преподавание.

Перемена. Тишина взорвалась ревом полтысячи голосов. В коридорах бегут во все стороны, как при землетрясении. Сбивают с ног наповал и, едва отряхнувшись, бегут дальше. Лавируя, как моряки на палубе в свежую погоду, педагоги собираются в учительскую. Товарищ Беляков уединился со мной в уголке, чтобы передать класс. Он, видимо, слегка задет, да и с ребятами жалко расставаться. Но человек пришел с путевкой из роно, и Дмитрий Иванович встречает со всей лояльностью.

— Класс неплохой, много рабочих ребят и девочек, знаю я их уже не первый год. Успеваемость не блестящая, особенно в русском языке. Дисциплина раньше очень хромала, теперь заметно подтянулась, впрочем, увидите сами... Вы хотите посетить их

всех на дому? Что ж, это будет прекрасно. У меня, увы, никак не оставалось времени на это. Но выходные дни я часто провожу с ними... Хорошо, что прибавляется в вашем лице еще один партиец; я — парторг школы... Да, атмосфера здесь хорошая. Редкая школа, где совсем нет склок... Помочь? Конечно, поможем. Вы не стесняйтесь, Михаил Ефимович, спрашивайте обо всем. Я, как старший товарищ, готов направлять вас, особенно в первое время... Постарайтесь добиться бесплатных завтраков вот для этих восьми... Не робейте. Лишь бы энергично работали. Не так все это хитро.

Старший товарищ совсем не стар. Ему тридцать четыре года, тужурка, ныне черная, явно перекрашена из хаки, да и вместо портфеля еще сохранилась полевая сумка. Простое, спокойное лицо большевика, думающего над своей работой и верящего в нее.

Это — двадцать седьмая школа Фрунзенского района, на рабочей окраине Москвы. Не худшая, но и не лучшая среди соседних школ. В красный список ей попасть не удалось. Приблизительно таких школ в нашей стране есть шесть тысяч. Триста тысяч людей нехитро делают в них важнейшее и тончайшее дело подготовки семи миллионов новых людей для бесклассового общества. Много ли мы знаем об этой работе?.. А ведь она идет рядом с нами, буквально за стеной.

Учитель математики. Владимир Емельянович, на вид довольно старомоден. Высокий крахмальный воротник, уцелевший от когдатошнего вицмундира, пожилые брюки в полосочку, довоенные обороты речи. Но в классе он у себя дома. Ученики ценят, любят математика, а через него и самую науку.

— Сегодня я вам покажу устройство логарифмических таблиц и обращение с ними при сложных вычислениях. Вот два экземпляра таблиц, возьмите себе.

Учебные пособия, опять два на весь класс, как реликвия, переходят в руки учеников. Владимир Емельянович объясняет таблицы логарифмов. Говорит коротко, сердитым голосом. Вступает даже в полемику с составителем таблиц.

Но класс хорошо понимает короткие объяснения. Потому что слушает с абсолютным вниманием. И потому что уже воспитан на математической культуре несколькими годами умелого преподавания..

— Ну-ка, кто хочет пойти к доске, решить задачу с логарифмами?

Подымаются почти все руки. Приходится установить очередь. Одновременно все оживленно и с азартом решают задачу у себя в тетрадах. Владимир Емельянович, хитро прищурившись, сощелкивает мел с пальцев. К нему со всех сторон бегут за справками, он подает их короткими, отрывистыми фразами, как команду на корабле. Деловые разговоры переходят во всеобщий гомон, и тогда он ворчливо, добродушно наводит порядок:

— Раскричались! Тише! Гуси!

Математику любят в двадцать седьмой школе, хорошо в ней успевают во всех классах. Очевидно, потому, что она здесь хорошо преподается.

Следующий урок — технология. В класс входит небольшого роста коренастый паренек.

— В этот раз, ребята, мы провернем устройство парового котла. Паровой котел, ребята, есть машина, служащая для превращения воды в пар. По конструкции, ребята, паровые котлы делятся на три главных типа. Котлы, ребята, с жаровыми трубами, котлы, ребята, с дымогарными трубами и котлы, ребята, водотрубные. Поняли, ребята? Теперь идем дальше. В котлах первого, ребята, типа внутри главного резервуара...

Сипловатым митинговым голосом паренек монотонно барабанит страницу из учебника, как отчет о сборе утильсырья на заседании месткома. Язык его убог, вместо «в этом» он произносит «в этим», вместо «хотим» — «хочем». Держится не как учитель, преподающий, а как ученик, отвечающий урок. Только вставляет для контакта с аудиторией, для педагогики: «ребята», «поняли, ребята?»

Класс сначала лояльно пробует слушать — паровой котел интересует всех. Но минут через восемь однообразная митинговая трескотня утомляет, усыпляет. Головы над партами склоняются ниже. Кто углубился в роман, кто задумчиво пачкает в общей тетради, кто, уставившись вдаль, мечтает и про себя улыбается.

— Как фамилия преподавателя?

— Не знаю... У нас никто не знает. Мы его зовем просто «технология».

— Понятно, что он преподает?

— М-мм... не очень. Но скучно ужасно.

Унылый отчет о паровом котле протянулся до звонка. Все облегченно вздыхают.

— Ребята, вопросы по котлу есть, ребята?

Вопросов нет. И, счастливый тем, что вопросов нет, спешит исчезнуть преподаватель технологии. Это — питомец Московского индустриально-педагогического института. Неважная продукция...

Историю преподает Дмитрий Иванович. Встречают его тепло и даже слегка приподнято. Это служит также и некоторой моральной демонстрацией. Класс подчеркивает свое доверие Белякову перед лицом его преемника.

Да и преподает он очень хорошо. Сегодняшняя тема — начало мировой войны. Беляков живо, ярко, просто описывает предвоенную обстановку, показывает на карте основные враждующие группировки империалистических держав, точки столкновения интересов, борьбу за рынки. И тут же, наряду с общим анализом, приводит целую кучу интересных фактов, имен, событий; живо рассказывает о сараевском убийстве как непосредственном, конкретном поводе к войне. Перед занятием он подумал, чем бы из художественной литературы скрасить урок; по моему совету взял главу из «Тихого Дона», где показано первое выступление Козьмы Крючкова и истинная обстановка его «подвига»... Слушают внимательно, жадно и уже после звонка все еще стоят вокруг учителя, расспрашивают и жалеют, что рассказ оборвался.

Облепленный учениками, Беляков медленно удаляется в коридор, бросая мне взгляд одновременно и задорный и ободряющий. Во взгляде я читаю:

«Вот и ты попробуй поставить себя так с ребятами!»

Ну и хорошо.

Грязно в школе. Спертый воздух. На переменах проветривают, но в форточки уходит только немного.

Остальное — постоянный, застоявшийся «слой вечной духоты». У нас будут строить новые школы, надеюсь, отлично проветриваемые. Но до этого надо коренным образом, по-государственному, с затратой средств создать механическую вентиляцию в старых школьных помещениях. При многосменности это обязательно. Не делать этого — преступление.

Классы, даже после недавнего ремонта, имеют затрапезный, обмусоленный вид. В каждом классе позади последних парт — нечто вроде мусорной свалки. Обломки мебели, меловые крошки, обрывки бумаги. По коридорам зияют дыры в штукатурке. В уборной — перманентная лужа, вода не спускается, и через дверь добирается в комнаты острая, злая вонь.

Рядом, в двенадцатой школе, еще хуже.

Сегодня я снаряжился в длинное путешествие. Классному воспитателю должно быть интересно посмотреть ребят в домашней обстановке, познакомиться с их родными.

Катя Хрекова обитает в Кутузовской слободе, в рабочем бараке. Барак уже поделен на комнатки. Вместе с Катей — отец, мать, маленькие сестры. Очень тесно, но чисто. Встречают с удивлением, но радушно, предлагают чаю.

Отец Кати — сторож при бараках. Мать работает по хозяйству. Раньше все жили в деревне, постепенно перебрались в столицу: отец с Катей, потом вся семья.

— Трудно очень было, когда мы с отцом жили вдвоем на койке. Теперь, с отдельной комнатой, жить вполне можно. Конечно, в гости ребят не приглашаю, но уроки готовлю здесь.

Мамаша настроена менее оптимистически.

— Зачем это еще завели девятый и десятый классы? У нас в деревне помещика дочка, и то больше восьми не обучалась! Трудно нам все-таки ее так содержать. Ведь как барышня: не работает, только учится, все книжки ей покупаем, одеваем во все лучшее. Уж отец вторую работу взял — за лошадьми смотрит.

Катя слегка смущена... Она превосходно учится в школе. Думает о вузе — очень увлекается химией. Домашняя оппозиция ее удручает. И тут на помощь должен прийти классный воспитатель.

— Давайте потерпим, мамаша. Девятый класс уже скоро к концу, а там только один годок. И если бы еще Катя плохо училась, а то замечательно учится. Мы ею в школе очень довольны. Окончит школу — не будет у вас больше забот, да еще вам начнет помогать. Вот и для меня отец-мать старались, помогли учиться, а теперь я о них целиком забочусь.

— Это верно, конечно. Мы уж, конечно, со своей стороны поддержим. Хотя и трудно, но все сделаем для дочки. Как вы говорите, что очень хорошо занимается.

Длинный Вася Егоров сидит в низкой комнатке на задворках пивоваренного завода. В домике никого нет, отец развозит пиво, мать служит продавщицей в ларьке, мальши играют в снегу. Вася читает «Анну Каренину». В классе он кажется взрослым человеком среди детей. Здесь он подросток, юный, простодушный.

— Живем теперь хорошо, жить вполне можно. Трудный был год, когда отца по партийной мобилизации направили в колхоз. Он там по трудодням получал, а политработнику трудодней полагается не так много. Да еще сюда посылать. Но сейчас все выровнялось.

Учиться Васе нетрудно, если бы только не заедала уйма заседаний. Он секретарь школьного комсомола. Против этих обязанностей нисколько не возражает. Но иногда вместо настоящей комсомольской работы достается бесконечное и бесплодное заседание. Райком комсомола сам показывает дурной пример. Созывают секретарей на десять часов, требуют аккуратнейшей явки, а собрание открывают — хорошо если в половине двенадцатого.

— Еще что мне обидно — с немецким языком очень плохо получается. Учимся, а ничего не знаем. Даже разучился тому, что знал в восьмом классе. А мне немецкий язык очень понадобится. Я ведь хочу после школы заняться астрономией, тут без иностранной литературы обойтись нельзя!

Марина Когтева живет в большом густо населенном кооперативном доме. Отец ее — ответственный работник Центросоюза, бывший партизан, мать работает в Советском контроле. Встречают классного воспитателя с большим интересом и с целым ворохом вопросов и проблем.

Какая же разница между классным наставником царской гимназии и нашим классным руководителем? В обмене мнений, по личному опыту всех троих мы устанавливаем, что царский классный наставник был полуфельдфебелем, полушпиком. Если от всего школьного персонала ученики укрывали свои мысли, внутренний мир, домашнюю жизнь, то от классного наставника приходилось скрываться вдвойне — он был

вдвойне опасен. «Контакт с родителями» состоял только в том, что в особых случаях трепещущего папашу вызывали и делали нахлобучку за провинность сына. Вызов родителей к наставнику официально считался репрессивной мерой... Советский классный воспитатель — это друг и советчик школьника, всей его семьи, заботливый помощник в обучении, контролер физического и морального роста, друг и опора в дни неудач и упадка духа. Классный воспитатель должен делать свое важное дело вместе с руководителем школы и учителями, вместе с комсомолом и партией, в ближайшем контакте с родными своего воспитанника, с пристальным вниманием к его индивидуальности, к его взаимоотношению с коллективом...

У родителей Марины немало претензий к дочери. Учится неблестяще, из наук интересуется почти единственно физкультурой. С отцом недостаточно корректна, домой приходит поздно, держится очень замкнуто, дома почти не разговаривает. Оживляется только с приходом своей закадычной подруги Оли Маклаковой. На все это отец и мать просят обратить внимание; они уж и то хотели поговорить с комсомолом, но с воспитателем — еще лучше.

Я пробую принять сторону дочери. С учебой, конечно, надо нажать, но прочие обвинения недостаточно конкретны. В позднем возвращении нередко виновата школа. Факты некорректности — очень мелкие...

Родители смягчаются. Да, конечно, девочка-то она очень хорошая. Но все-таки смотреть за ней надо.

Возраст такой, когда они начинают считать себя взрослыми, а на самом деле еще дети...

Сама Марина присутствует при беседе; улыбается застенчиво, но и слегка иронически; тонкая фигура обтянута майкой, вид немного болезненный, несмотря на физкультуру. Рядом — краснощекая, крепкая Оля. Она — из семьи слесаря; гораздо крепче, бойче, хорошая массовичка. Летом сама руководила целой физкультурной площадкой.

— Отчего же у тебя Марина такая замкнутая? И учится средне. Ты чего же не влияешь?

Оля смеется.

— Да вы не беспокойтесь, она всегда такая. Веселая, только говорить много не любит.

Долго не отпускают родители. Хотят договориться и о политическом воспитании, и сколько давать карманных денег, и о взаимоотношении полов... Как хорошо, что в школе усиливают воспитательную работу. Когда еще можно повидаться? На дому или в школе, как угодно...

В крохотном кабинете сидит директор, Анна Семеновна Канина.

Есть кабинеты как тихий, просторный остров уединения. Этот — как скала в бушующем прибое. Дверь у кабинета — живая, шевелится, не затихая ни на минуту. Если уж никто не зайдет по делу, все равно приоткрывается дверь и заглядывают маленькие носы.

С раннего утра до ночи директор в непрерывном соприкосновении с людьми и событиями, в безостановочном конвейере забот и происшествий. Работа трамвайного кондуктора — это безмятежный отдых по сравнению с директором двухсменной школы. За пятнадцать минут — возчики отказались помочь в выгрузке дров, в восьмом классе дали путаную формулировку восточного пакта, на физкультуре у девочки пошла носом кровь, из района потребовали немедленно ведомость о работе кружков, на кухне пригорела рыба, в зале собрались по случаю вылазки парижских профбюрократов, двое родителей пришли протестовать против плохих отметок их детям. Это за четверть часа, — а сколько таких четвертей на дню!

Андрей Иванович, заведующий учебной частью, много и усердно помогает. Но он все больше по учету — громадный учет приходится вести. А по оперативной части, там, где надо поспорить, решить, добиться, — там директор один.

Пока идет урок, Канина, что бы ни делала в кабинетике, машинально прислушивается. Во всем здании должна быть полная тишина, — это признак правильной работы учебной машины. Если тишина нарушена, директор сейчас же спешит на место шума — выяснить и устранить причины перебоя. В перемене, на площадке, где перекрещиваются шумные струи коридоров, лестниц и залов, твердо и ловко руководит хаотической стихией, внося в нее организацию, порядок. Только она может, мгновенно разбираясь в обстановке, перетасовывать классные помещения, выталкивать пробки в столовой и у вешалки, вылавливать из бурлящей толпы отдельных задир, замарашек, обиженных, нездоровых; одергивать, наводить чистоту, выговаривать и подбадривать.

На общей линейке, перед фронтом шестисот подрастающих советских граждан, она стоит твердо и прямо, школьный командарм, закованный в кольчугу спокойствия и выдержки поверх всех волнений и усталости. Поздно вечером, когда отшумели все школьные страсти, — это молодая женщина, мягкая и веселая, скромная до робости и восторженная, почти как ее ученики.

— Была в институте, на научной работе — это кажется теперь таким легким, тихим, безобидным... Здесь — непрерывно работающий вулкан. Но стоит заболеть, пробыть один день без ребят, и уже скучаю до тоски!

Канина — отличный директор, но школа бьется в одиночку, хотя есть и совет родителей, и завод-шеф, и роно, и райсовет, и райком. Тысячи мелочей вырастают в школе до размеров больших проблем, и только потому, что школа все еще в стороне от главного русла общественной жизни. За два с лишним года никто из членов бюро Фрунзенского райкома не заглядывал в двадцать седьмую школу. А ведь пришло время, когда не только заводы определяют лицо района. И когда директор — не только тот, над кем дымится фабричная труба.

Урок литературы. Учитель — весьма квалифицированный, чуть ли не доцент. Обсуждают «Анну Каренину». Обсуждают по всем правилам. Двое учеников написали доклады, остальные — комментарии к ним.

Но это — социология, а не художественная литература.

Ученики крепко затвердили, что Толстой есть выразитель идей патриархального крестьянства, что Алексей Каренин — представитель правящей верхушки, а Вронский — выходец из военной среды. А о художественности образов и сцен романа, о глубокой человечности, о силе человеческих страстей, в нем изображенных, не говорят, стесняются, считают неуместным. К произведению подходят, как к социально-экономическому документу, и только.

Характерно и то, что ученики предпочитают отвечать выписками из своих тетрадей, чем высказываться устно, к чему их усиленно и тщетно приглашает преподаватель. А пишут, кстати, с обильными и грубыми ошибками.

Идут дни, мы ближе знакомимся, и уже понемногу начинаем дружить. Я уже знаю, что Набатов и Никифоров вместе пишут масляными красками, что Шура Лоханкина с утра, до школы, работает на почте у окошечка, что Пухликов разрывается между шахматами и коньками, а Ефим Зильберштейн мечтает стать советским юристом.

В выходной день мы гуляем вместе по городу, наблюдаем, беседуем. Ребята купили «Крокодил», хохочут над ардовскими «Девятью способами безбилетного проникновения в театр», осторожно показывают мне. Не против ли я? Но нет, я за «Крокодил». И эта общность вкусов еще сближает нас.

Они — хорошие и умные, эти средние, наудачу взятые советские ребята. Они много работают, думают и смеются.

В своем девятом классе я провел маленькую анкету.

«Сколько у тебя свободных вечеров в шестидневку?» Из тридцати пяти учеников — восемнадцать совсем не имеют свободных вечеров. Все пожирает учеба. Одиннадцать человек имеют один свободный вечер. И только шестеро имеют по два вечера.

«Чем ты предпочитаешь заняться в свободное время?» Большинство — за шахматы, чтение, коньки. Танцуют — девять, из них четверо — фокстрот. Читали: «Что делать?» — все, «Поднятую целину» — четырнадцать, «Капитальный ремонт» — пять, романы Жюль Верна — все, причем никто не читал меньше трех, а половина класса — по восемь, десять романов.

«Считаешь ли себя одиноким?», «Имеешь ли друзей?»... Трое в классе считают себя одинокими. Семеро не находят себе друзей, у остальных с этим вполне благополучно.

Анкета была анонимная, ребята не называли себя.

Я попросил воспитателя из восьмого класса сделать такой же опрос. Оказалось, в восьмом (более молодом) классе только один ученик не имеет свободных вечеров. Читают здесь больше, чем в девятом. Больше веселятся, больше скучают и вообще больше чувствуют. Есть тут и ухаживания, чего почти нет у девятиклассников. И при этом — целых тринадцать человек считают себя одинокими...

Хулиганством эта школа не заражена. Атмосфера в основном добродушная, нет злой грубости, сознательного желания нашкодить, хамского неуважения к товарищам и чужим.

Это не исключает внезапных и стремительных, как лесной пожар, вспышек озорства и авантюризма, слишком далеко заходящего.

Третий класс не так давно затеял во дворе игру в войну. Сначала кидались снежками. Показалось мало. Раздобыли палки. Показалось мало. Побежали в лавку, купили вязальных спиц, привязали к палкам, начали колоть. Но и этого было мало для разбушевавшихся страстей. Один из бойцов быстро-быстро сбегал домой, утащил из незапертого ящика (идиот-отец) револьвер, вернулся и выпалил, поранив мальчику глаз.

В пятом классе где-то сообща уперли серебряную ложку. Сообща же продали, сообща купили сладостей, папирос, бутылку красного вина и сладостно распивали ее в вонючей уборной...

...На вопрос: «Чего ты ждешь для себя от школьного воспитателя?» — отвечают активно, с жадностью, с надеждой. Ищут в нем друга, руководителя, советчика, политического воспитателя, союзника при неладах с родными. И в самом деле, как много может тут изменить и выправить классный воспитатель, скольких ребят он может спасти от одиночества!

Но в школе еще не взялись по-настоящему за воспитательную работу. Преподаватель сам не знает, как рассматривать руководство классом: как честь для себя или как скверно оплачиваемую нагрузку. За это руководство педагог получает тридцать рублей прибавки к заработной плате. А забот и ответственности много... Не лучше ли потихоньку уклониться?

Кстати, роздал я свою анкету и педагогам двадцать седьмой школы. Оказалось: из тридцати учителей только восемь не имеют свободных вечеров, шестеро имеют по одному вечеру, а остальные — по несколько вечеров в шестидневку. И все же читают меньше, чем ребята. Девять человек не видели «Чапаева», а ученики смотрели все.

По случаю выходного в школе пусто и тихо. Только в клубном зале собрались два старших класса. Дмитрий Иванович сидит на клубной сцене. Заботливые чьи-то руки

поставили ему на столик справа фикус в горшке, слева лапчатую пальму. Озелененный Дмитрий Иванович чисто побрит, праздничен. Он читает на тему: «Ленин и молодежь».

«...Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемерет...»

Лица ребят грустнеют от строгих, мужественных ленинских строк. Но учитель читает дальше.

«...А то поколение, которому сейчас 16 лет, через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда...»

— Вы видите, как точно предсказал Ильич. Теперь исполняются названные им сроки. И не кто иные, как мы с вами счастливо свершаем указанное Лениным!

Они переглядываются, улыбаются, кивают друг другу головой. И опять становится серьезна она, эта счастливейшая в истории молодежь, которой суждено от школьной парты шагнуть прямо в социализм.